

СЕРГЕЙ ЯКОВЛЕВ
ВЛАДИМИР КОЛДИН
ЕКАТЕРИНА БУТ

КНИЖНЫЙ КЛУБ

18+

**Екатерина Бут
Сергей Яковлев
Владимир Колдин
Книжный клуб**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73847118

Книжный клуб / В.Колдин, Е. Бут, С.Яковлев: Де'Либри; Москва; 2024

ISBN 978-5-4491-2094-6

Аннотация

Дорогие друзья!

Перед вами новая книга с несложным названием «Книжный клуб».

О чем он? О людях, таких же как мы. Немного смешных, немного старомодных, в чем-то слишком наивных и доверчивых, в чем-то слишком категоричных... Но таких живых! Мыслящих и умеющих мечтать. В сердце которых живет неистребимая и глубокая потребность в любви... Судьбы этих людей пересеклись и сплелись в тугой узел, развязать который может только сама жизнь. Текст создан творческой группой «Триумф», которая была создана в 2021 году в городе Новороссийск. Она занимается созданием сценариев и музыки.

Для кино и театральной индустрии.

Содержание

Глава 1. Начало	5
Глава 2. Заседание клуба	9
Глава 3. Йосик. Явление первое	13
Глава 4. Александра	24
Глава 5. Галерея	29
Глава 6. Первое свидание	35
Глава 7. Йосик. История	41
Глава 8. Робин Гуд брачного рынка	45
Глава 9. Сикорская	51
Глава 10. Книжный клуб и как он появился	56
Глава 11. Гранатовый браслет	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

**Владимир Колдин,
Екатерина Бут,
Сергей Яковлев
Книжный клуб**

© Сценарная группа «Триумф»

© Владимир Колдин, Екатерина Бут, Сергей Яковлев,
текст, 2024

© РИПОЛ классик, оформление, 2024

© Елизавета Тягунова, иллюстрации в блок, 2024

Глава 1. Начало

Летний вечер в небольшом приморском городе выдался вопреки ожиданиям не таким душным и тяжелым, как обычно. После полудня с моря потянул свежий бриз, неся с собой прохладу и надежду на лучшие времена. Все жители и гости города от мала до велика, как один, высыпали гулять на набережную, чтобы охладить свои иссушенные тяжелым зноем тела под свежим ветром. Море слегка штормило. Небольшая волна ритмично накатывалась на прибрежную гальку. Разномастная публика, не спеша прогуливаясь у моря, оседала в прибрежных кафе, чтобы выпить, между прочим, стаканчик холодного лимонада или кружку янтарного пива...

Среди пестрой толпы отдыхающих ярким пятном выделялась одна женщина. Ступала уверенно, спина была ровной, как у балерины. Она целеустремленно несла свое пышное тело решительной походкой. Явно по какому-то важному и неотложному делу. Высокая прическа из ярко-рыжих волос делала ее похожей на хризантему, а дымчатые очки придавали образу загадочность.

Наконец она оказалась перед витриной книжного магазина, полностью уставленной печатными изданиями самых различных форматов и жанров. Женщина взялась изящной рукой с аккуратным французским маникюром за ручку не приметной двери. Немного постояла, собирая себя, как хорошая актриса перед сценой, и вошла.

Сидевшая до этого за прилавком девушка, резво поднялась и вышла поприветствовать вошедшую:

– Здравствуйте, Элеонора Валентиновна. Вы сегодня припозднились, скоро заседание клуба, даже кофе выпить не успеете.

Дама, которая оказалась обладательницей такого колоритного имени, смерила ее презрительным взглядом:

– Машенька, только не надо мне указывать, что мне делать. И если я пришла попозже, значит, так надо. Ничего страшного, если подождут. Без меня же не начнут. – Она немного смягчила тон, увидев испуганные и несчастные глаза собеседницы: – Уже пришел кто-нибудь?

Элеонора Валентиновна Сикорская была умна и страдала от этого. Прекрасное образование и множество прочитанных книг отточили ее интеллект до уровня самурайского меча, который негде было применить. Свою профессию переводчика она освоила прекрасно, знакомых изучила вдоль и поперек и испытывала невероятную жизненную скуку и разочарование из-за отсутствия достойного оппонента или, на худой конец, врага, с кем можно было бы помериться силой своего интеллекта и умением решать сложные логические задачи.

Маша с облегчением вздохнула и ответила:

– Да, пришла Саша, она уже там сидит. Борис тут тоже. – Помедлив, добавила тоном заговорщицы: – И Павел, который «никогда не служил в правоохранительных органах», как всегда, за полчаса пришел. – Потом обернулась к вошедшей в двери девушке и сказала искренним тоном, полным

радости: – А вот и Женя!

Женя улыбнулась, входя, и остальным показалось, что в помещении прибыло света и тепла. Элеонора Валентиновна обернулась и доброжелательно обратилась к вошедшей:

– А, Женечка. Ты сегодня смогла прийти?

Женя ответила просто:

– Да. В такую жару цветы плохо берут. Я отпросилась до вечера.

Сикорская пустилась в рассуждения:

– Жаль мне тебя, разрываешься... Но ведь это лишь в народной пословице учение только свет. На самом деле ученье – это еще и свобода. Ничто так не освобождает человека, как развитое диалектическое мышление. Вот отучишься... – Тон ее снова приобрел стальные нотки. Она обратилась к продавцу: – Маша, я еще жду кофе. Через пять минут пора будет начинать.

Женя бесхитростно ответила, распахнув свои детские глаза:

– Как здорово вы сказали про ученье! Я бы никогда не догадалась...

– Это – не я. Это – Тургенев. Он еще «Му-му» написал. Надо тебе чаще бывать у нас, Женечка. Ну, проходи, проходи. Я тоже иду...

Глава 2. Заседание клуба

Элеонора Сикорская, являющаяся председателем книжного клуба, производила самое благонадежное впечатление. Не молода и не стара, средних лет, с роскошной прической из рыжих волос. Перед ней испускала заманчивый запах чашечка дорогого кофе, несомненно, прекрасной обжарки, ибо весь облик этой эффектной женщины говорил, что она не приемлет полумер и ценит свои жизненные привычки и требования превыше всего.

Небольшие, прекрасной формы, серые ее глаза обычно скрывались за дымчатыми стеклами изящных очков, и лишь изредка на окружающих бросался цепкий и оценивающий взгляд, которого, конечно, ей хватало для того, чтобы составить полное впечатление о человеке или предмете.

Пышные формы ее облегалo прекрасно сшитое по фигуре платье, неброское, с изящной вышивкой у ворота, на ногах были надеты туфли на танкетке. В руках она держала длинный позолоченный мундштук, на конце которого искрилась небольшая дамская сигарета.

Вокруг ее столика были неравномерно расставлены легкие кресла. Одно из них занимала Александра Твердохлебова. Стройная девушка двадцати четырех лет, в ярком асимметричном платье, в туфлях на высоком каблуке. Она смотрела сквозь стекло витрины вдаль, задумавшись.

Другое кресло заняла Женя Деревянко; белокурая и задумчивая, но всегда готовая к улыбке, она листала роскошно иллюстрированное издание.

Самое дальнее место в углу занимал крупный бритоголовый мужчина Борис Степанович Твердохлебов, сорока шести лет от роду. Он явно чувствовал себя здесь не к месту. Делая вид, что читает книгу, иногда искоса бросал взгляд на Александру.

Справа от Бориса, немного за книжными полками, расположился Павел Иванов. В белой рубашке, при галстукке, с идеальными стрелками на брюках. Он частенько поглядывал на Бориса и что-то усердно вносил в свою маленькую записную книжку.

Сикорская уперла свой взгляд опытного охотника в Александру и произнесла:

– Ye scenes of my childhood, whose lov'd recollection
Embitters the present, compar'd with the past.

Александра мгновенно парировала этот выпад, ответив:

– Where science first dawn'd on the powers of reflection,
And friendships were form'd, too romantic to last.

Ее произношение радовало слух своим прекрасным придыханием и таким мягким, округлым R.

Элеонора Валентиновна задохнулась от восторга:

– Александра, ты, как всегда, меня поражаешь. Ты должна быть благодарна родителям за такое образование!

Александра бросила быстрый взгляд на Бориса, скромно

сидевшего в углу, и снова перевела его на Сикорскую:

– Элеонора Валентиновна, я же вас просила...

Та ответила:

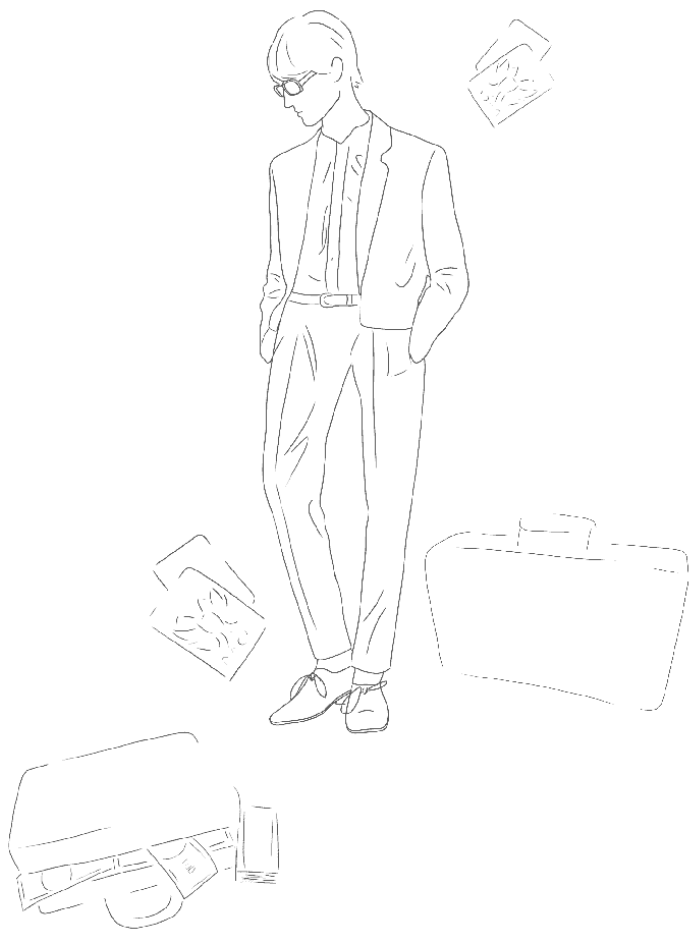
– Не понимаю, зачем ты их скрываешь. Мне было бы интересно узнать про них...

Внезапно раздался мягкий голос сзади:

– О детства картины! С любовью и мукой
Вас вижу, и с нынешним горько сравнить
Былое! Здесь ум озарился наукой,
Здесь дружба зажглась, чтоб недолгою быть...

Все в изумлении обернулись и уставились на вошедшего.

Глава 3. Йосик. Явление первое

Вошедший в дверь клуба молодой человек был замечательно красив, одет элегантно и скромно, сдержан, но ловок в своих движениях и вообще производил самое приятное впечатление на собравшихся.

Иосиф Виссарионович Либерман, или, как заботливая мамочка называла его в детстве, Йосик или Йосечка, рос мальчиком премилым и весьма сообразительным. Он рано понял цену деньгам и тому, какие жизненные преимущества они дарят своему обладателю.

Сегодня это был мужчина двадцати семи лет от роду, узкое и гармоничное лицо которого притягивало и давало отдохновение взгляду; улыбался он часто и с удовольствием, и каждая его улыбка носила сотни различных оттенков – от задорно-мальчишеской до иронично-грустной... Большие карие глаза взирали на мир спокойно, без страха и суеты. Изредка бросал он цепкий взгляд на симпатичную женщину, и сразу в этих выпуклых глазах, подчеркнутых тяжелыми веками, начинала светиться вековая скорбь народа Сиона...

Одет он был весьма примечательно: белоснежная сорочка с галстуком и бежевый пиджак весьма приличной английской марки, классические брюки и элегантные остроносые туфли. Завершающим штрихом являлись несколько старомодные очки в широкой коричневой оправе, которые придавали его облику некоторую академичность и немного скрывали выразительность этих больших глаз с тяжелыми веками.

Он произнес, слегка картавя:

– Добрый день. Извините, если помешал...

Сикорская ответила заинтересованно:

– А я думаю, что это за явление... – Указала рукой на свободное кресло: – Прошу, э... – Она вопросительно посмотрела на мужчину.

Тот понял и быстро ответил:

– Иосиф. Можно Йосик.

Он подошел к креслу, стоящему напротив Александры, намереваясь его занять. Но, когда садился, выронил на пол из кармана своего пиджака бумажник. Возникла неловкая пауза. Все присутствующие увидели, как плотно он набит банкнотами иностранного производства. Павел даже привстал со своего места в изумлении. Не отрывая своего цепкого взгляда от кошелька.

Элеонора Валентиновна попыталась разрядить обстановку:

– Рада приветствовать вас, дорогой Иосиф. Меня зовут Элеонора Валентиновна, можно Элеонора. Это – Александра, художник. Работает в галерее современного искусства.

Это – Борис Степанович...

Иосиф торопливо убрал бумажник и ловко сел в кресло, переводя взгляд с одного лица за другим.

Александра лукаво улыбнулась и сказала:

– Здравствуйте!

Борис Степанович, когда председатель указала на него, за-протестовал:

– Да, это. Борис я. Не надо этого вот.

– А тут что-то пишет Павел. Который никогда... Павел, что вы никогда не делали?

Тот угрюмо ответил:

– Вы про то, что я никогда не служил в правоохранитель-ных органах? Ну и что? Я как-то сказал, чтобы все вопросы отпали. Зачем же теперь меня укорять?

Сикорская парировала:

– Просто вы раз десять это нам уже говорили.

Павел не успокаивался:

– Не десять, а только три раза. Вы же наговариваете на меня.

Обстановка начала накаляться.

Борис снова подал голос из угла:

– Слушай, чувачок, какой же ты все-таки педа... нт.

Он намеренно сделал в слове паузу, чтобы придать ему двойственное значение.

Павел взвился:

– Вы так произносите это слово, будто что-то плохое.

Борис пошел на попятную:

– Успокойся уже.

Но Павел уже завелся:

– Не надо говорить мне «успокойся». Я разве веду себя неадекватно?!

Борис нахмурился, и Павел вдруг внезапно захлебнулся своим гневом буквально. Он поперхнулся, закашлялся и вдруг сразу как-то сник...

Борис Степанович Твердохлебов был мужчиной простым и основательным. Крупное тело его увенчивалось большой головой, начисто лишенной волос. Шея была, пожалуй, коротковата, но ее вполне компенсировали широта и мощь его плеч. Руки его, сильные и крепкие, с короткими пальцами и широкими запястьями, говорили сами за себя.

То, как уверенно и спокойно лежали на его коленях или крепко держали руль дорогого внедорожника, поднимали рюмку хорошего коньяка, сразу давало понять, что Борис – человек серьезный. А иногда даже и опасный. В чем вполне смогли убедиться его сокамерники, когда в девяностых он оказался в местах не столь отдаленных, взяв на себя вину своего друга и бригадира, с которым они в сопровождении пары быков занимались отжатием бизнеса у несознательных коммерсантов. Именно там к нему намертво прилепилось прозвище Сухарь, которым он втайне гордился и старался соответствовать...

Однако никто из завсегдатаев книжного клуба и подумать бы не мог, с кем они имеют дело. Так как на еженедельных заседаниях он был тих и растерян, как первоклассник, потерявший свой портфель. Робко сидел в углу, поджав свои большие ноги. На вопросы отвечал односложно. В дискуссиях участия не принимал, предпочитая молчание всему

остальному.

Он и сам бы не дал вразумительного ответа, как неожиданно для себя стал постоянным участником этих собраний. Ведь это была совершенно не его стихия...

Дочь свою, Александру, он обожал больше всего на свете. Когда семь лет назад заболела и умерла его жена, он продолжил воспитывать ее сам, стараясь вложить в свою принцессу все самое лучшее. Девочка росла красивой и бойкой. Прекрасно училась в школе с углубленным изучением иностранных языков, хорошо рисовала, играла в театральном кружке. Крутила отцом как хотела. А он готов был отдать все на свете, чтобы эти маленькие ручки и дальше обнимали его могучую шею, а сияющие радостью глаза смотрели на него с гордостью и восхищением...

Однако Саша быстро выросла, и восхищение в ее глазах погасло и сменилось раздражением... «Ты чурбан неотесанный, – говорила она отцу. – Нам не о чем с тобой поговорить. Мне стыдно привести домой своих друзей, зная, что дома ты с бутылкой пива смотришь свои бесконечные сериалы про ментов!»

Что он мог сказать на эти упреки? Да, это правда, Сартра и Достоевского он отродясь не читал. Стихи наводили на него уныние. Серьезная музыка мгновенно вгоняла в сон. Образованных людей в его окружении никогда не было и быть не могло.

Но позорить дочку тоже не хотелось... Поэтому, уступив

ее настояниям, он согласился разок, только разок посетить это кефирное заведение. Борис отправился в книжный клуб с неохотой, рассчитывая потом компенсировать это тяжелое испытание хорошим ужином со спиртным в своем любимом ресторанчике с выразительным названием «Медвежий угол».

Конечно, это сборище болтливых очкариков не могло бы его заинтересовать, если бы не одно «НО». Это «НО» звали Элеонора Валентиновна Сикорская.

Первый раз увидев ее в клубе, он просто обалдел. Статная, с высокой грудью и копной рыжих волос, похожих на корону, она сияла и манила, как полярная звезда манит уставшего моряка. «Королева!» – полыхнуло у него в мозгу. «Настоящая. Не дешевка. Знает себе цену. Умная, не чета мне», – автоматной очередью выстреливали мысли одна за другой.

Она сидела боком к нему, совершенно не обращая внимания на затененный угол, где обитал Борис, и вела содержательную беседу с унылым бородачом о какой-то литературной муре.

А он пожирал глазами каждый поворот и наклон ее красивой головы.

Любовался на то, как притопывает ее нога в элегантной туфле во время спора на какую-то возвышенную тему, и страдал, зная, что такая женщина никогда не обратит внимание на такого болвана, как он. Права была дочка... Чурбан неотесанный...

Элеонора Валентиновна воспользовалась своими полномочиями председателя клуба:

– Господа, брэк! Что о нас подумает Иосиф. Я уже забыла, о чем я... – замедлилась она. Но быстро вспомнила и с улыбкой сказала: – Ах да, это – наша Женечка.

Когда вы, гуляя по лесу, вдруг внезапно набрали на маленькую полянку маргариток и, присев на корточки, встретились взглядом с этими чистыми, лазурными глазками, вам понятно чувство, которое каждый присутствующий испытывал, находясь рядом с Женей.

Женя Деревянко, девушка двадцати трех лет, работала флористом в небольшом магазинчике на городском вокзале и сама была похожа на лесной, не бросающийся в глаза, но милый цветок. Она не выделялась ни внешностью, ни напором, не обладала высокоразвитым интеллектом, но было в ней что-то детское, почти ребяческое, какая-то жизненная легкость и свежесть. И каждому человеку было рядом с ней тепло и покойно...

– Какие замечательные стихи вы прочитали, – сказала она Иосифу. – Как это точно про детство, а потом про... студентов, да? – Взгляд ее стал задумчивым. – Почему вы решили их прочитать?

Иосиф слегка смутился:

– Да я... собственно...

Сикорская пояснила с видом эксперта:

– Женечка, это же Байрон!

Женя вопросительно посмотрела на Иосифа. Тот кивнул в знак согласия.

– Стихи написал Байрон. Мы с Александрой прочли в оригинале, а Йосиф напомнил нам перевод этих замечательных строк. – Элеонора Валентиновна обратилась к Либерману: – Вы знаете, мы тут уже все знакомы. В клубе традиция: кто приходит первый раз, рассказывает о себе. Знаете, такой блиц-опрос.

Йосик бросил цепкий взгляд на Александру и ответил, слегка растягивая гласные:

– Ну что ж... Это интегесно.

Вопросы посыпались как из пулемета:

– Бумага или электрон?

– Время – деньги, а электрон позволяет сэкономить и то и другое.

– Фэнтези или классика?

– В искусстве я предпочитаю реализм. – Потом добавил, снова бросив взгляд на Александру: – Хотя мне не чужды и некоторые направления авангарда, например кубизм, или даже я как-то купил картину, написанную в стиле лучизма...

Александра была явно удивлена. Она первый раз с интересом посмотрела на Либермана.

Элеонора поправила:

– Я про книги.

– Ах да. Тут я, боюсь, всеяден...

– Чай или кофе?

Йосик бросил взгляд на стоящую на столике чашку и ответил уверенно.

– Только кофе!

Сикорская продолжала с напором:

– Три главных слова для вас?

Тот ответил без лишних раздумий:

– Преданность. Бескорыстие. И, скажем, сюрприз.

– Любите сюрпризы?

– Люблю их делать. Думаю, что в этом деле меня уже можно назвать профессионалом.

Сикорская сказала с уважением:

– Спасибо за ответы, Йосиф. Вы очень интересный человек. – Она обратилась к остальной группе, которая уже немного заскучала: – Предлагаю начать обсуждать книгу. Вопрос на засыпку: что нужно было прочитать?

Женя ответила с готовностью:

– Баллады о Робин Гуде.

– Замечательно.

– Йосиф, вы знали, что мы будем обсуждать это произведение?

Йосиф ответил, немного помедлив:

– Я, честно говоря, пришел именно потому, что увидел, какую книгу решили обсуждать. Мое любимое литературное произведение детства. Понимаю, что нет исторических подтверждений, что такой человек жил на самом деле, но мне нравилась сама идея, которой он был предан: отбирал деньги

и богатых и отдавал их бедным.

Борис крикнул саркастически и подал реплику из угла:

– А жил на проценты.

Все засмеялись.

Иосиф ответил Борису с укором:

– Вот вы шутите, но Робин Гуд же должен же был на что-то жить, содержать свою... компанию, скажем так.

Борис ответил примирительно:

– Мне Робин Гуд тоже нравится. Но я же знаю правду жизни. Такой не будет честно награбленное раздавать бедным. В лучшем случае изобразит благотворительность...

Либерману этот ответ не понравился. Но он благоразумно решил не развивать эту тему.

Павел Иванов в это время что-то записывал в блокнот.

Александра немного отодвинулась вместе с креслом дальше от Бориса в направлении Иосифа и сказала, глядя тому прямо в глаза:

– А я верю, что настоящие Робин Гуды были и есть! Просто это сейчас не в тренде и про них не пишут в газетах и книгах.

Йосик обрадовался такой поддержке и с радостью сказал:

– Полностью с вами согласен!

Глава 4. Александра

«Весь мир против меня» – такая мысль часто посещала тревожную Сашину голову.

Ее мятущаяся душа не знала покоя. Ее противоречивый характер часто ввергал ее в какие-нибудь неприятные приключения. Всю свою недолгую жизнь она прожила наперекор судьбе. Все обыденное вызывало в ней отторжение, все обывательское – презрение.

После смерти мамы они остались с отцом одни. Сначала было гнетущее чувство пустоты. Как будто с ней из жизни ушла опорная часть. Стены перестали держать, и вся конструкция рухнула. Только через пару лет из этих развалин начало вырастать новое здание. Но почему-то по какой-то причине оно больше напоминало оборонительное сооружение. А в душе вместо растерянности появилась какая-то злость.

Именно с того момента Саша стала жить наперекор. Все ее поступки шли от обратного. Родители хотели, чтобы она стала учителем иностранных языков. Ан нет, она поступила на худграф. И стала свободным художником, причем и здесь пошла наперекор традициям – работала в жанре современного авангарда. Организовывала презентации и перформансы. Принимала участие во всех возможных акциях протеста, начиная от экологических, заканчивая протестами против неприятия современного искусства простым обывателем.

Мама любила ее пышные, красивые волосы. Она их обре-

зала и выкрасила в яркие цвета. В детстве она носила элегантные блузки и юбочки до колен. Теперь им на смену пришли яркие асимметричные платья и туфли хищных форм.

В деньгах она бы не нуждалась. Ее отец, Борис Твердохлебов, любил свою единственную дочь до беспамятства и ни в чем ей не отказывал. Однако Саша считала унижительным для себя просить у него деньги, заработанные каким-то мещанским, нетривиальным способом.

Да и вообще отец совершенно не соответствовал ее культурно-интеллектуальным требованиям. Он как будто застыл в прошлом. Привычки и манеры его мало изменились со времен девяностых. Интеллектуальное развитие не входило в список его интересов.

Вечера он проводил «культурно», с пивком и рыбой, под какой-нибудь дешевый сериал.

Поэтому Александра настояла на его посещениях книжного клуба, чтобы хоть немного его «образовать». Однако держала родство с ним под страшной тайной. Никто не знал в клубе, что Борис Твердохлебов – ее отец.

Как-то раз, незадолго до нынешней встречи клуба, сидя в городской галерее современного искусства, где она работала администратором, Саша изнывала от скуки... Она обвела взглядом уютное помещение, стены с работами местных авторов, литографии и самобытные полотна известных художников...

«Нет, – сказала она себе. – Я не раскисну. Нужно рабо-

тать!»

Она достала из своей папки чистый лист, художественные мелки и начала сосредоточенно рисовать очередную работу.

Этот процесс всегда увлекал ее сознание настолько, что казалось временами, будто она погружается во время работы в другое измерение.

Саша сидела спиной к входу и так увлеклась, что не заметила, как в галерею вошла пара. Мужчина около сорока лет и женщина лет на десять его помоложе. Оба были одеты ярко и дорого, но с отсутствием вкуса в одежде и чрезмерным увлечением украшениями...

Они огляделись вокруг и подошли к сидящей за столом Александре.

Мужчина прокашлялся:

– Девушка.

Саша вздрогнула от неожиданности и уронила мелок.

Он повторил настойчивей:

– Девушка!

– Да. – Александра поднялась со своего места и приветливо посмотрела на посетителей.

Он покрутил пальцем в направлении картин:

– А это все, что у вас есть?

На слово «все» было сделано особое ударение.

Сашин взгляд потерял приветливость. Она нахмурилась. Смерила собеседника внимательным взглядом и, гордо закинув голову, ответила:

– Это картинная галерея. Туалет дальше по коридору.

Мужчина оторопел от такой дерзости. Он ответил, растягивая гласные:

– Грамоте обучены, вывески читать умеем... – Потом вполне миролюбиво: – Нам бы картиночку подобрать для ресторана.

Саша кивнула и с достоинством ответила:

– Хорошо. Что-нибудь подберем.

Глава 5. Галерея

Но подобрать им ничего не удалось. После долгого и бес-

плодного хождения по галерее придиричивый клиент начал злиться на все авангардное искусство и иже с ним...

– Девушка, я же вам говорил, что у меня открывается ресторан. А вы мне что предлагаете?

– Я вам показала работы лучших современных художников, – с нарастающей усталостью ответила Саша. – Пикассо, Малевич, Кандинский... и кое-что из местных работ.

– Пикассо – это где тетка разрезана на куски? Кто же это купит? Блевотина какая-то...

– Может, что-нибудь из сюрреалистических работ вам приглянулось?

– Еще чего! Наркоманский бред какой-то.

– А вот репродукция Бэнкси. Это одна из его лучших работ.

– Здесь вообще крыса нарисована. Что мои клиенты подумают?

Терпение Александры лопнуло. Она вздохнула:

– Ну что же, повторяю. Туалет дальше по коридору. Там висит отличный портрет Пугачевой в молодости. Уверена, что он отлично впишется в интерьер вашего заведения... Только нужно договориться с уборщицей, это ее кумир.

Мужчина оторопел и впал в ступор. Его спутница, до сих пор хранившая недоуменное молчание, вступилась за него:

– Слышь, ты, овца драная. Ты чё нас, совсем за быдло держишь?

Ситуация начала пахнуть большим скандалом. Из сво-

его кабинета появился директор галереи Валентин Аркадьевич, элегантный пожилой мужчина.

Он ловко ввинтился между оппонентами и произнес задушевым голосом:

– Господа! Дамы! Не нужно ссориться. Культура должна быть доступна каждому.

Саша попыталась отстоять свою позицию.

– Валентин Аркадьевич... – начала она.

Но руководитель прервал ее стальным тоном:

– Саша! Быстро в мой кабинет!

Она кивнула и исчезла из зала.

Валентин Аркадьевич обратил к мужчине свое лицо, на котором светились смирение и доброта:

– Вы извините ее. Молодость...

– Да нам все равно ничего не понравилось, – ответил тот примирительно.

Маска смирения мгновенно слетела с лица пожилого джентльмена.

– Да? Это неудивительно...

Мужчина заинтересовался:

– Почему?

Валентин Аркадьевич оскалился и ответил голосом сказочного злодея, четко произнося слова по слогам:

– Потому-что-ту-а-лет-даль-ше-по-ко-ри-до-р-у!

Возникла пауза. Мужчина решительно взял свою спутницу под руку. И они вышли из помещения.

Через несколько минут в небольшом уютном кабинете своего руководителя Саша эмоционально объяснялась:

– Я, конечно, все понимаю, у нас маленький город, с культурой здесь плохо. Но должен же быть какой-то предел, Валентин Аркадьевич? – В порыве эмоций она начала расхаживать по кабинету и взмахивать руками. – Они сами напросились, я полчаса перед ними распиналась! И ладно бы у людей денег не было, ну видно же по ним! Только вы не подумайте, что я себя оправдываю. – Она посмотрела на начальника глазами тонущего котенка. – Вспылила, да, но что я могу поделать? Тут через одного такие. Никаких нервов не хватает...

Все это время Валентин Аркадьевич молча слушал ее, сидя за своим столом, не прерывая. Он пристально посмотрел на свою молодую сотрудницу и сказал:

– Александра, садьте.

Она присела на стул.

Директор вздохнул и начал неприятный разговор, который он так долго откладывал. Тон его был спокойным и отеческим.

– Саша, я хочу, чтобы вы меня выслушали очень внимательно и поняли. Дело не в вас и даже не во мне. Но есть объективные обстоятельства. Вы уже взрослая девушка, женщина... Уверен, что вас ждет свой собственный путь...

Саша вскочила и в отчаянии затараторила:

– Валентин Аркадьевич! Давайте я штраф заплачу?! Ну

хотите – бесплатно на выходных выйду?!

Валентин Аркадьевич рывкнул, чтобы прервать этот поток страданий:

– Перестань! Ты и так тут почти бесплатно работаешь! – Потом подумал немного, может ли он это себе позволить, и добавил: – Дура!

Александра разинула рот в изумлении. Она никогда не слышала от него ни одного плохого слова.

Теперь шеф заволновался и начал расхаживать по своему кабинету.

– Штаны просиживаешь ты здесь. У тебя талант, образование, что ты здесь забыла? – Он посмотрел на нее: – Мне тебя за ручку на вокзал отвести?

Саша отвела глаза и пробормотала:

– Да не могу я отсюда уехать, Валентин Аркадьевич!

Он ответил резко:

– Я знаю! Забей ты на своего батю и живи своей жизнью.

– Дело не в нем... Ну, не только в нем. Долго объяснять.

Не увольняйте меня, пожалуйста!

Тот выдохнул еще раз:

– Дура! Ну не могу я все это больше тянуть. Ни морально, ни физически. Понимаешь ты меня?

Саша отрицательно замотала головой.

Валентин Аркадьевич остановился и сложил руки на груди. Взял паузу. Набрал в легкие воздуха:

– Я закрываю галерею.

Саша простионала:

– Нет.

– Да, Саша, да, это последний месяц. Надо было сделать это еще полгода назад... Теперь до конца своих дней я буду отдавать всю пенсию банку. Слава Богу, осталась квартира...

Повисла пауза.

– И что же будет дальше? – робко спросила она.

Валентин Аркадьевич ответил:

– Тут будет обувной магазин. Я сдам квартиру и уеду на дачу писать картины. А ты станешь великим художником.

– Валентин Аркадьевич... – начала она плаксиво.

Директор прервал ее:

– Но напоследок мы организуем великолепный вернисаж. С аукционом, музыкантами и буфетом. Как в старые добрые времена... – Он улыбнулся доброй и грустной улыбкой. – И без тебя я не справлюсь. Поможешь?

Саша молча кивнула.

Глава 6. Первое свидание

Заседание клуба закончилось. И все участники вышли на улицу.

Первым, не прощаясь, ушел Борис, посмотрев на часы. За ним сразу, так же быстро, последовал Павел. У входа остались Иосиф, Женя и Александра.

Женя распахнула свои детские глаза и доверчиво сказала Иосифу:

– Вы так хорошо знаете литературу... и в живописи разбираетесь... и в кино...

Иосиф ответил ей прохладно, но скромно:

– Тут ничего особенного нет. Когда у тебя папа в Израиле занимается ювелирным бизнесом, хорошее образование получить гораздо проще.

Женя впечатлилась ответом, но решилась высказать свою точку зрения:

– А мне кажется, что богатство мешает человеку быть... человечным, что ли. Вон сколько в стране богатых стало, а сколько из них интересуются искусством? А если из них кто и интересуется, то только потому, что это модно. Мне кажется, раньше у людей больше было интересов, а сейчас всем просто нужны деньги.

Йосик прервал этот бесконечный монолог раздраженно:

– У вас, как я посмотрю, целая теория. Но ненаучная. – И добавил, почти отвернувшись: – Я не соглашусь с ней.

Александра с достоинством сказала:

– Я тоже не соглашусь. Драгоценному камню нужна и

огранка, и достойная оправка. – И процитировала стихотворные строки:

Хоть мудрец – не скупец и не копил добра,
Плохо в мире мудрому без серебра.
Под забором фиалка от нищенства никнет,
А богатая роза красна и щедра! —

Она пристально посмотрела Иосифу в глаза и призналась со вздохом: – Знали бы вы, как тяжело нашей картинной галерее без Робин Гуда, точнее, без мецената. Да просто без состоятельных клиентов, которые разбираются в искусстве.

Женя снова влезла в разговор:

– Стихи – это тоже Байрон?

Саша усмехнулась ее дремучести:

– Нет, Женечка, это – Омар Хайям.

Иосиф заинтересованно выдал:

– Обожаю стихи Омара Хайяма. – И еще, ненавязчиво: –

Александра, позвольте узнать, вам в какую сторону?

Саша с готовностью ответила:

– Мне в сторону южного.

Иосиф неискренне удивился:

– Какое совпадение! Мне тоже в ту сторону... – И выдал

тоном истинного джентльмена: – Позвольте проводить вас?

И не успела Женя открыть рот, чтобы сказать, что им всем по пути, как Йосик ловко оттер ее от Александры и предложил той свою руку.

На прощание он торопливо сказал:

– Очень рад был с вами познакомиться, Женечка. Прощу простить, что не могу вас проводить. Мне с Александрой нужно обсудить вопрос покупки картин в галерее. – Потом добавил, чтобы скрасить неловкость ситуации: – Я уверен, что мы еще встретимся на других заседаниях клуба.

Элегантная пара удалилась, оставив Женю в растерянности стоять у дверей клуба.

Александра и Йосик гуляли по набережной, с наслаждением подставляя свои лица под порывы свежего ветерка. Глаза их щурились от лучей заходящего солнца.

Александра первой прервала неловкое молчание:

– А зачем вы соврали про лучизм, Иосиф? Вы же не покупали подобной картины и не имеете представление об этом направлении.

Тот был удивлен ее проницательностью:

– Как вы догадались?

Саша не хотела раскрывать свои секреты:

– Поняла – и все. Так зачем?

Тот ответил искренне:

– Честно говоря, я понял, что вы имеете отношение к живописи, может, даже картины пишете, и хотел вам понравиться.

– А как вы догадались?

Иосиф не остался в долгу:

– Понял – и все.

Саша на время примолкла. Но потом женское любопытство взяло верх.

– А про покупку картин в галерее вы серьезно сказали или для того, чтобы Женю отшить?

На этот откровенный вопрос последовал истинно еврейский ответ:

– А разве это взаимоисключающие варианты?

Она задумалась.

– Но вы даже не видели тех картин.

Он спокойно ответил:

– Полностью полагаюсь на ваш вкус. И уже горю от нетерпения посмотреть ваши картины.

Саша пошутила:

– Осторожно, как бы не сгорели.

Йосик усмехнулся и парировал удар:

– Не беспокойтесь, я огнеупорный. Проверял...

Она сдалась:

– Ладно, записывайте адрес и телефон.

– Ваш?

– Галереи, Йосик, галереи.

Он записал телефон и адрес галереи в маленькую записную книжку, обтянутую натуральной кожей экзотического животного.

Он немного постоял, как бы в раздумьях, и вдруг, запустив руку в карман, извлек из него что-то небольшое и протянул руку Саше. В его ладони поблескивала неярким

светом небольшая серебряная камея. Тонкий женский профиль, высеченный из золотистого оникса, мерцал в ее глубине. Изящный геометрический орнамент оплетал края.

Это было настолько прекрасно, что у Саши перехватило дыхание.

– Она настоящая? – спросила она, поскольку прекрасно знала ценность древнегреческой камеи.

– Да, – спокойно ответил он.

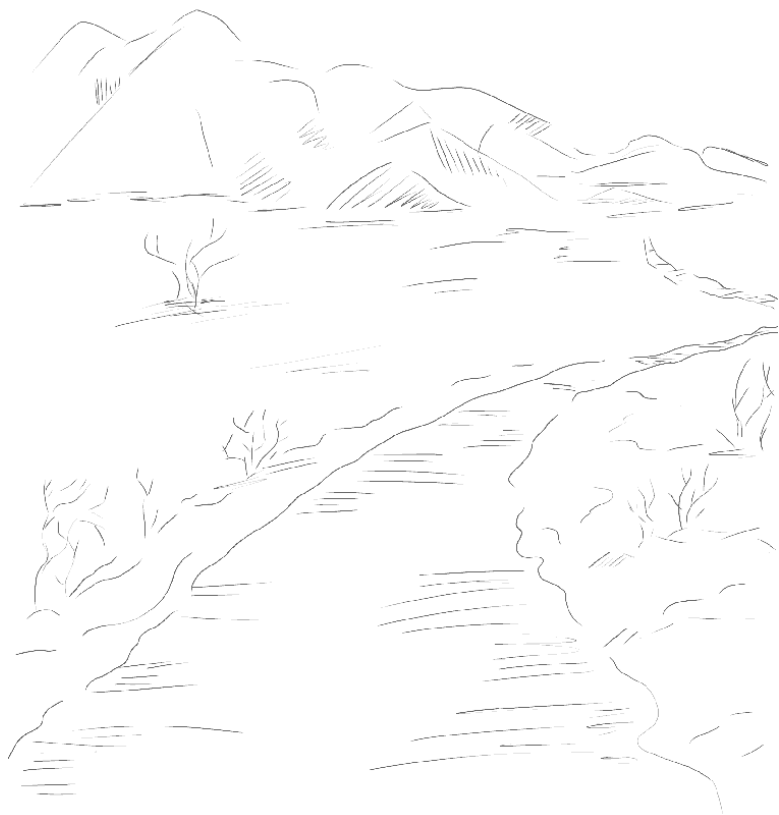
– Антикварная?!

– Нет. Я сам ее сделал. Для вас. Для девушки с самыми красивыми и умными глазами...

– Я не могу принять такой подарок! – засомневалась Александра.

– Можете. Не обижайте меня отказом.

Глава 7. Йосик. История

Еще в детстве Йосик, будучи одним из сыновей бедного раввина, понял, что будущее его весьма туманно и начисто

лишено какой-либо финансовой поддержки. И то, что ему нужно придумать нечто совсем необыкновенное и почти не наказуемое со стороны закона ремесло, не требующее физического труда.

В этих размышлениях он провел почти все отрочество, но результат его умственной деятельности, надо сказать, получился весьма блестящим и оригинальным. Достигнув совершеннолетия, он начал карьеру брачного афериста.

Конечно, на первых порах усилия его были неловкими, приемы – смехотворными и шаблонными. Но с годами он виртуозно отшлифовал свой образ и схему, которая работала безотказно, обеспечивая ему очень неплохой уровень существования.

Женщины теряли голову и осыпали его подарками и деньгами в ожидании счастливого и роскошного бракосочетания с единственным наследником алмазного миллионера, но ему каждый раз удавалось выскальзывать из их цепких объятий, подобно маленькой и скользкой рыбке гуппи.

И всегда, сиюминутно, каждое мгновение своего существования, находился он в состоянии поиска этих наивных, чуть раскосых глаз, наполненных надеждой.

– Ви знаете, – напевно рассказывал о себе Йосик в моменты лирического настроения, – ведь я был четвертым ребенком в семье. Самым маленьким и слабым. У нас часто не хватало еды, одежду мне приходилось донашивать за старшими братьями. Я мог только мечтать о новых ботинках, а

вдоволь мы могли есть только во время больших религиозных праздников.

Отец наш был строг и аскетичен. Большую часть дня мы изучали священные писания, потом помогали матери по дому, немного играли во дворе. Зачастую ложились спать, съев лишь по куску пресной лепешки с водой. Тогда отец наставлял нас молиться о том, чтобы еды было в изобилии, чтобы ели мы сладкое хотя бы раз в неделю. Сколько пламенных, поражающих своей искренностью молитв слышала моя подушка. Я молился истово, до слез, надеясь на изменения к лучшему. Но они никак не приходили в мою жизнь.

Тогда одолели меня сомнения, и я отправился к мудрому ребе с вопросом: почему Бог не слышит мои молитвы и не делает нашу жизнь лучше? Ребе выслушал меня внимательно, посмотрел слегка задорно и сказал: «Не стыдно тебе, Йосик, беспокоить отца небесного своими глупыми просьбами? Что он должен ответить тебе? Как ты думаешь?» – «Не знаю», – ответил я растерянно. «А вот что скажет тебе он, глупому и ленивому мальчишке, послушай внимательно: „Я дал тебе глаза, чтобы найти себе пропитания в достатке, я дал тебе руки, чтобы ты мог унести его, я дал тебе ум, чтобы ты нашел способ его заработать, я дал тебе волю, чтобы ты имел для этого смелость и настойчивость. Неужели всего этого мало тебе, Йося? Имея такие богатства, ты все еще надоедаешь мне своим нытьем?“».

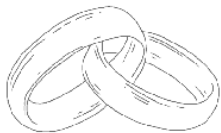
С того самого дня я твердо решил ничего не просить у Бо-

га, а жить своим умом. Это стало началом моего развития. Я начал проводить все дни в библиотеке, поглощая одну книгу за другой, а священные писания читать совсем забросил.

Я ходил по улицам и внимательно изучал лица людей, их манеры, подслушивал их разговоры, жадно впитывая настоящую жизнь такой, какая она есть на самом деле. И эта жизнь наполнила меня от макушки до кончиков пальцев.

Я совсем перестал обращать внимание на то, сколько ем и что ношу. Ум мой был поглощен постоянной и напряженной работой.

Глава 8. Робин Гуд брачного рынка

Несмотря на то что Иосиф Либерман жил хитростью и обманом, у него были определенные жизненные принципы, не лишённые благородства, как у истинного Робин Гуда.

Например, он «работал» только с теми женщинами, которые руководствовались меркантильными целями и сами охотились на богатых мужчин.

То есть он действовал по принципу: «Украсть у вора грехом не считается, перехитрить обманщика – не повод для вины».

В какой-то мере он даже считал, что помогает этим заблудшим женщинам встать на путь истинный, преподав жесткий, но весьма поучительный урок, после которого они изменят свои взгляды на жизнь и займутся более праведными делами.

Как правило, женщины, раздавленные и униженные, слетев со своего пьедестала, в правоохранительные органы не обращались, чтобы избежать еще большего позора и насмешек. Ведь они сами охотились на крупную «дичь», а оказались в западне, ловко расставленной опытным и безжалостным охотником.

Йосик всегда подстраивался под конкретного клиента, всячески меняя свою хорошо продуманную легенду, чтобы быть максимально правдоподобным.

Сначала он знакомился с девушкой, проводил пару необременительных и приятных свиданий, стараясь получить побольше информации о ней. Потом признавался, что

является сыном очень богатого человека, но держит эту информацию в секрете, чтобы не вызывать излишнего внимания к своей персоне.

Информация подтверждалась его дорогой одеждой, часами и другими аксессуарами богатого человека.

Выдав потенциальной «клиентке» информацию, он пристально следил за ее реакцией. Если девушка оставалась безмятежной и никак не реагировала на его «тайну», он оставлял ее в покое и исчезал с горизонта.

Конечно, девушке было неприятно, но это такие мелочи по сравнению с теми проблемами, которые он мог бы ей принести...

Однако, если в женских глазах загорался огонек алчности, а на губах появлялась сладкая и хищная улыбка охотницы, Йосик сразу брался за дело.

Он ухаживал с размахом: дарил подарки, окружал заботой и вниманием, постепенно сжимая свои удавы объятия настолько, чтобы женщина теряла остатки разума и инстинкт самосохранения, торжествуя, что отхватила такой лакомый кусок.

Через некоторое время он делал своей клиентке предложение выйти за него замуж, которое она с радостью принимала.

В то время как счастливая невеста без устали оповещала своих друзей и знакомых о предстоящем браке с богатым наследником, у ее новоиспеченного «жениха» появля-

лись неотложные дела за «границей», чаще всего связанные с бизнесом.

Отбыв за «границу», Иосиф Либерман попадал в какую-нибудь неприятную ситуацию, из-за которой его возвращение к любимой становилось невозможным без вливания внушительной суммы денег.

Он объяснял своей «невесте», что попросить денег у своих родителей сейчас не может, потому что сам виноват в сложившейся проблеме...

Встревоженная «невеста» не была готова к такому развитию событий, но совсем не желала, чтобы ее брак с наследником сорвался, ведь она уже поставила в известность всех знакомых и разослала приглашение на свадьбу...

Желание блистать в белом платье убивало последние сомнения, и она начинала собирать деньги. Продавала украшения или недвижимость, занимала у родственников и друзей, оформляла на себя кредиты. После того как она переводила на указанный счет внушительную сумму, ее «жених» исчезал из виду.

Он больше не выходил на связь и не брал трубку телефона.

Женщина, как правило, оказывалась в полной растерянности. Она металась между стыдом, злостью и отчаянием, проклиная свою неосторожность. Ей предстояли трудные времена...

Но Йосика это уже мало волновало. Шахматная партия завершена, противник побежден. А сам он с самого отъезда

за «границу» работает с новой «клиенткой».

История Жанны

Одну из женщин, побывавшую в стальных объятиях Либермана, звали Жанна.

Невысокая, пухленькая пергидрольная блондинка, с выпуклыми голубыми глазами «фарфоровой собаки тети Поли». Возраст неопределенный, где-то за тридцать.

Огромные ресницы распахивали ее и без того огромные глаза до невероятных размеров. На шее она носила дорогое ювелирное украшение, наманикюренные пальцы были унизаны золотыми кольцами. Весь ее образ просто кричал о том, что она неистово хочет замуж, причем не за абы кого, а за мужчину с устойчивым финансовым положением.

Йосик быстро освоился на местности и представился ей сыном известного израильского ювелира, имеющего развитую сеть ювелирных салонов по всему миру. Ее глаза вспыхнули и заиграли холодным сапфировым блеском, по которому он безошибочно определял своих «клиенток». Йосик начал атаку.

Дама охотно принимала ухаживания и подарки, капризно надувая губки-бантики, и грозила ему, шутя, маленьким пальчиком с красным ноготком, нараспев произнося: «Йозиф, ше ви со мною делайте...»

Все шло четко по плану: Жанна сама раструбила на весь

город, что выходит замуж за миллионера, обходила салоны свадебных платьев, организовывала девичники, снисходительно приглашая на них своих менее удачливых подруг.

Однако в самый разгар подготовки к свадьбе жениху пришлось уехать по делам фирмы отца в одну из третьих стран. Через пару дней после его отъезда «за границу» Иосиф сообщил «невесте», что таможня арестовала его на границе, поскольку у ювелирных изделий, которые он вез в местное представительство компании, не оказалось каких-то необходимых сертификатов.

Жанна встревожилась и спросила, почему Йосик не обратится за помощью к своему отцу, на что он ответил, что сам виноват в отсутствии документов и скорее сгниет в тюрьме, чем настолько разочарует своего отца.

Новоиспеченная невеста оказалась в сложном положении: брак с наследником миллионов оказался на грани срыва. Она решила, что соберет деньги на уплату залога за Либермана, ведь предстоящий брачный союз с лихвой окупит все ее текущие расходы и предоставит ей блестящие перспективы на будущее.

Она продала свои украшения, автомобиль, подаренный Йосиком, взяла в долг у знакомых и родственников и перевела их на указанный счет.

Получив деньги, Иосиф Либерман исчез с горизонта и более на связь не выходил, предоставив растерянной женщине самой разбираться в сложившейся ситуацией.

Глава 9. Сикорская

– Я была девочкой болезненной, – говорила Элеонора о себе неохотно, – но не потому, что была слаба здоровьем, а потому, что вела постоянную упорную и изнуряющую борьбу за внимание своих родителей. Они, конечно, были целиком и полностью поглощены успехами моей старшей сестры, красавицы и умницы, талантливой и бойкой девочки...

Сердца их бились в унисон, когда Юля делала очередной доклад о своих блестящих успехах в учебе. Руки их были заняты пошивом великолепных костюмов для ее очередного хореографического марафона. Головы их ежеминутно соображали, как обеспечить ей блестящее будущее. А я лишь болталась под ногами...

На меня обращали внимание тогда, когда нужно было вымыть посуду, сходить за хлебом или написать за Юлю очередное сочинение. Это доводило до слез...

Но какими заботливыми и внимательными становились они, если я болела. Ежеминутно задавали они вопросы о самочувствии, поили вкусным чаем, укутывали мне ноги и дежурили у моей кровати поочередно... Я упивалась этим вниманием, впитывала его в себя полностью, жадно, зная, что это ненадолго...

Конечно, я быстро освоила науку хворать по любому поводу и при первой возможности. Научилась художественно падать в обморок, красиво закидывая при этом голову. Нагревать на радиаторе градусник. Симулировать любую боль в любой части тела. Это стало моим козырем перед сестрой

и ее всепоглощающими талантами.

Так я тянула одеяло своего эго на себя и сама не заметила, как оказалась полностью под его железным панцирем. Притворство стало моей второй натурой. Служение своему эгоизму стало основным жизненным принципом. Никто и ничто меня не волнует больше, чем я сама. Теперь, после двух лет работы с психологом, я могу это искренне и честно признать. Но изменить, увы, не могу.

Возможно, именно поэтому у меня не складываются отношения с мужчинами. Через пару лет нашей совместной жизни они стараются улизнуть от меня любым доступным способом. Своих детей у меня нет. С родителями мы давно чужие люди. Я так и не смогла их простить за нелюбовь к себе... Так и живу: работа – дом – работа – дом. Иногда так тоскливо становится на душе, что хоть волком вой... Давит одиночество.

Она прикрывала глаза, полностью погружаясь в грустные воспоминания детства. В ее памяти, как в нарезке к художественному фильму, возникала квартира, обставленная в стиле Советского Союза: паркет, хрустальная люстра, чехословацкая стенка...

Перед трельяжным зеркалом вертится стройная девочка в красивом бальном платье. Изогнувшись, смотрит себе за спину, изящно поднимает руки. Она явно довольна увиденным.

Мать говорит ей с неприкрытым восторгом:

– Юленька, какая ты у нас красавица! – Подходит к дочери, поправляет невесомые складочки платья. – Я уверена, что ты победишь.

Девочка отвечает её рассудительно:

– Ну не факт... ты же помнишь ту пару из Москвы? Они пока фавориты.

– В этот раз первыми будете вы. Не сомневайся! – Она с теплотой обнимает дочь.

Воображаемая камера обращает свой взгляд в затененный угол, где за этой сценой наблюдает полноватая девочка двенадцати лет. Она белокожа, рыжеволоса, на лице россыпь золотых веснушек. Это Эля.

Мать с сестрой не обращают на нее никакого внимания. Вздохнув, Эля выходит из комнаты.

Следующая сцена быстро пришла на смену первой...

Финал хореографического конкурса. Ведущий объявляет победителей:

– ...и... первое место в нашем конкурсе... занимают... Юлия Сикорская и ее партнер!

Зал взрывается аплодисментами.

Ведущий продолжает увеличивать громкость.

– Поздравляем наших победителей!!!

Воображаемая камера обводит кадром аплодирующих зрителей, среди которых крупным планом видны гордые и счастливые лица родителей Юли.

Следующий кадр: квартира. Эля наблюдает за конкурсом по телевизору. Она дома одна. С тяжелым вздохом выключает трансляцию. Уходит в свою комнату. Долго и бесцельно смотрит в окно.

Услужливая память породила еще одну картину детства.

Квартира. Эля лежит в кровати, накрытая одеялом. Она бледна. На лице страдание. Мать, заботливо поправляя её одеяло:

– Ну как же тебя угораздило, дорогая? Ведь завтра у Юли литература. Её придётся опять самой писать сочинение. А ты ведь знаешь, насколько она загружена... – Наклоняется над дочерью, принужденно целует ее в лоб. Вздыхает. – Отдыхай, моя хорошая. Набирайся сил...

Смена кадров начинает набирать скорость.

Пока никого нет дома, Эля учится падать в обморок на пушистый ковер.

Нагревает градусник над чайником.

Обматывает горло шарфом, хрипит.

Кидается на ковер, непохоже изображая эпилептические судороги.

Внимательно изучает справочник фельдшера.

Сикорская вздрагивает, словно очнувшись от забвения. Медленно возвращается в настоящее. Долго и бесцельно смотрит в окно.

Глава 10. Книжный клуб и как он появился

Если смотреть на город с высоты птичьего полёта, то он похож на новенький и аккуратный детский строительный конструктор... Хорошо видны жилые дома и деловые здания, парки и скверы, длинная набережная. Если фокус приблизить, то становятся видны отдельные люди, спешащие по своим делам: на работу, домой, на встречу с друзьями, в детский сад и так далее. Всё движение настолько организовано и слаженно, что кажется, где-то звучит жизнерадостная и ритмичная музыка, которая наполняет его жизнью. Картинка постепенно приближается, и вот мы уже можем понаблюдать за прохожими вблизи. В окне одного из офиса виднеется силуэт пышной женщины с высокой причёской. На солидной вывеске выбиты витиеватые буквы: «Брачное агентство „Золотой Купидон“». Именно там встретила Элеонора Валентиновна Сикорская то памятное утро...

Элеонора Валентиновна, тщательно просмотрев анкеты потенциальных женихов, обратилась к менеджеру:

– Что-то негусто у вас с кандидатами... Неужели это все, что есть?

Менеджер, библиотечная дама в очках, задумалась:

– Пожалуй, да... А... Вот. Обратите, пожалуйста, внимание на эту анкету: пятьдесят четыре года, кандидат наук, заведующий кафедрой университета.

Требовательная клиентка внимательно изучила анкету. Вздохнула:

– Да. Умненький. Но похож на сушеный урюк. Не хотелось

бы тоже засохнуть рядом с ним...

Менеджер подала другой лист с данными мужчины:

– А как вам этот? Вдовец, с двумя детьми.

Та даже не повернула головы:

– Нет! На детей я не согласна. Это не моё...

Сотрудница агентства насупилась, пытаясь смирить нарастающее раздражение. Но, вспомнив, что она профессионал, продолжила разговор в деловом ключе:

– Обратите внимание на этого кандидата: Полковник в отставке, шестьдесят пять лет, своя квартира и загородный дом.

Сикорская ответила капризно:

– Ну этот сразу начнет меня на свою дачу возить. Картошку окучивать. Ему помощь на огороде нужна, а не жена. А у меня маникюр, знаете, сколько стоит?

Брачная дама сжала зубы:

– Подождите еще пару минут. Я еще раз проверю нашу базу.

– Ладно.

Зависла неловкая пауза. Элеонора Валентиновна обвела презрительным взглядом интерьер агентства. Подошла к графину, чтобы налить воды. Тщательно изучила чистоту стакана, прежде чем его набрать. Отставила обратно, так и не набрав. Размеренно зашагала по офису, рассматривая лубочные портреты счастливых молодожёнов на стенах.

На нее накатило отчаяние и злость. Какое-то яростное

бессилие.

«Что я здесь делаю? Я? И здесь? Зачем всё это?.. Может уйти?»

Она впала в сомнение. Было только одно желание: закончить этот балаган и вернуться в шелковую тишину своей уютной квартиры. По привычке, прилипшей к ней с детства, она устала свой бесцельный взгляд в окно и зависла.

Из этого оцепенения её вывел голос менеджера:

– Вот, обратите внимание: Инженер. Сорок девять лет. Высшее техническое образование. Разведен. Двухкомнатная квартира...

Элеонора Валентиновна Сикорская, не повернув головы, процедила сквозь зубы:

– Давайте попробуем. Надо же с чего-то начинать...

Женщина вздохнула с облегчением:

– Хорошо. Я договорюсь о встрече.

Через несколько дней, точно в назначенное время, Элеонора Валентиновна Сикорская прибыла в недорогое, но чистенькое кафе в центре города. Набрала номер офиса брачного агентства со старомодного массивного телефона у барной стойки:

– Алло, милочка. Вы точно договорились со своим инженером?

Пауза.

– Тогда почему его нет на месте?

Пауза.

– Сколько я должна ждать?

Пауза.

– Хорошо. Жду ровно пятнадцать минут. – Она повесила трубку и бросила официанту раздраженно: – Карамельный латте. И соль не забудьте!

Заняла свободный столик, присела, достала свой рабочий блокнот и с головой погрузилась в работу, бормоча что-то на английском.

Голос над головой отвлек её от сложного литературного перевода:

– Эля?!

Она подняла голову. Глаза её выкатились от удивления.

– Иннокентий? Ты что здесь делаешь???

Мужчина с таким впечатляющим именем на вид ему совсем не соответствовал. Он был худ и неряшливо одет. С некогда тонким и красивым лицом, нынче имеющим явные признаки злоупотребления алкоголем. Он откашлялся, и ответил сиплым голосом любителя выпить на свежем воздухе.

– Эээ... Меня из агентства прислали...

– Тебя??? Ты что же, анкету заполнял?

Иннокентий осторожно присел за столик напротив Сикорской:

– Ну да. А что? Семь лет уже прошло, как мы развелись. А я все один...

Сикорская прошипела про себя:

– Вот дура! Даже не посмотрела на эту чертову анкету... –

Иннокентию: – Понятно... С мамой живешь? Как она?

Тот ответил дипломатично и после некоторого колебания:

– Болеет сильно... с тех пор, как ты меня выгнала...

Элеонора Валентиновна начала закипать:

– Да ты что?! А за что я тебя выгнала, за ЭТО... она не болеет?!

Иннокентий ответил миролюбиво:

– Ну что ты опять начинаешь? Мама – пожилой человек...

Но Сикорская уже завелась:

– А я напомним тебе, Кеша, за что я тебя, как ты говоришь, выгнала. За то, что ты, некогда умный и талантливый человек, подающий надежды, спился до скотского состояния.

– Ну прям уж до скотского... Ну, выпивал... Все же пьют...

– Не выпивал, а спивался! Деградировал! Вырождался! Еще добавить?

– Не надо, Эля. Чего мы ссоримся? Ведь сколько лет прошло...

Но Элеонора Валентиновну было уже не унять.

– И ты, Иннокентий, еще имеешь наглость приходить в брачное агентство и расхваливать себя в анкете? Инженер? Когда это было? Высшее образование? Ты всё пропил. Двухкомнатная квартира? На двоих с мамой. Чего еще ты там про себя написал? Какие еще достоинства?

Иннокентий потерял терпение и вышел из-за стола. С горечью и злостью бросил слова ей в лицо:

– Ну и стерва же ты, Элька! Как была, такая и осталась. И тоже никому даром не нужна, раз по агентствам шатаешься... Тьфу...

Ушёл.

Официант, до этого с опаской стоявший в углу, подал кофе.

Сикорская автоматически отхлебнула из чашки:

– Какая дрянь...

С тоской уставилась в окно.

Пятничный вечер Элеонора Валентиновна Сикорская обычно проводила с подругами. Уютный ресторан кавказской кухни служил им гостеприимной гастрономической гаванью после трудной трудовой недели. В тот день было многолюдно и накурено. Накрыт роскошный стол: шашлык, чахохбили, хачапури, сыр, фрукты. Пурпурное вино в хрустальном кувшине.

Дамы расположились на диванчике. Все они олицетворяли торжество здоровья и жизненных удовольствий, присутствующее бессмертным полотнам Рубенса. Настроение было прекрасным. Все с аппетитом ели поданные блюда и запивали вином из точеных бокалов.

Элеонора Валентиновна рассказывала свою чрезвычайно занятную историю, прерываясь на смех и очередной глоток вина:

– Ну и вот, девочки, поднимаю я голову, и кто бы вы ду-

мали, явился предо мной? Рыцарь в хрустальных доспехах...

Подруги вопрошали, по очереди заливаясь смехом. Первая спросила басом.

– Кто?

Вторая задала вопрос, забавно имитируя акцент горцев:

– Неужели джигит с Кавказских гор?

Захохотали.

Сикорская выразительно приподняла бровь:

– Нет, дорогуша. Лучше...

Басовая повторила:

– Ну что же? Не томи...

Вторая тоненьким детским голоском:

– Мы сейчас умрём от любопытства...

Элеонора Валентиновна выдержала качаловскую паузу.

– Ин-но-кен-тий!

Первая подруга поперхнулась вином:

– ТВОЙ Иннокентий?

– МОЙ.

Вторая не поверила своим ушам:

– Твой бывший?

Сикорская ответила учительским голосом:

– Мой бывший. Собственной персоной. Истощавший, но живой. В глубоком алкогольном габитусе.

– Ничего себе...

– А что он делает в агентстве?

– Как что? Состоит. Ищет себе жену.

Первая подруга сразу протрезвела и вернула себе голос взрослой и солидной женщины:

– Ну и дела... А что ты?

Элеонора ответила с горечью:

– А что я? Завелась... Вспомнила: сколько с ним намучилась...

Вторая подруга потеряла свой забавный акцент:

– А он что?

– Ни мычит, ни телится, как всегда. Бормочет что-то про маму...

Первая подруга ответила серьезно и с глубоким сочувствием:

– Жалко, Эль. Ведь какой мужчина был: красавец, умница, подавал надежды...

Вторая вздохнула с грустью:

– И все коту под хвост пустил... дуралей...

Сикорская ответила с тоской.

– Да...

Все горестно замолкли.

Тишину прервала первая:

– Девочки, ну и где же теперь знакомиться с умными мужиками, непьющими?

Вторая развила тему:

– На кладбище, что ли? – И залилась печальным смехом.

Первая предложила:

– Элька, ты у нас хваткая, энергичная, организовала бы

какой-нибудь клуб по интересам...

Вторая подхватила:

– А что? Отличная идея...

– Да хоть у меня в магазине. И покупателей побольше будет...

Элеонора Валентиновна ненадолго задумалась.

– А что, КНИЖНЫЙ КЛУБ. Неплохо звучит... – Подумала еще. – Это лучше, чем с алкашами своё время терять...

– И знакомства полезные можно завести...

Женщины снова воодушевились. Первая подняла свой бокал:

– Ура! За идею.

Вторая последовала её примеру:

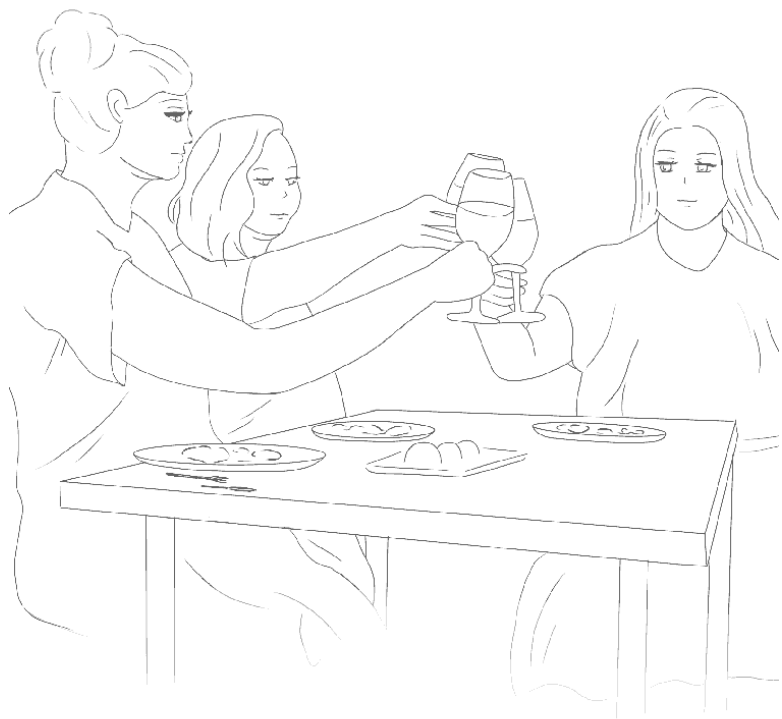
– Поддерживаю!

Сикорская тоже подняла свой бокал:

– Тост за отличную идею! Замётано!

Все чокнулись бокалами, наполненными сладким грузинским вином.

Глава 11. Гранатовый браслет

Очередная встреча книжного клуба проходила, как всегда, в помещении книжного магазина. Легкие кресла вокруг круглого столика уже были заняты знакомыми нам людьми:

Элеонора Валентиновна Сикорская с неизменной чашечкой кофе занимала место председателя. Александра Твердохлебова сидела напротив, слегка наклонившись и положив левую руку на кресло слева, где с серьёзным видом расположился Иосиф Либерман. Время от времени она наклоняла свою голову и что-то тихо говорила ему на ухо. Напротив них, через столик, сидела с грустным видом Женя Деревянко и изредка бросала мимолетный взгляд на эту красивую пару. В стороне от всех, в своем излюбленном углу, расположился Борис Твердохлебов. Нейтральное положение, но так, чтобы хорошо было видно Бориса, занял Павел Иванов с блокнотом и ручкой в руках. В дверях появился новый участник, высокий молодой человек с приятным лицом и светлыми волосами, Константин Леонов, двадцати четырёх лет. Он обратился к присутствующим приятным голосом:

– Здравствуйте. Сегодня я, кажется, не опоздал.

Элеонора Валентиновна ответила мягко:

– Добрый день, Константин. Что же вам всегда что-то кажется? Вы пришли вовремя. Можете же вы сами посмотреть на часы и увидеть.

– Да, верно... Видимо, это от неуверенности в себе. – Он добавил с сомнением: – Но я над этим буду работать...

Сикорская обратилась к присутствующим:

– Сегодня мы обсуждаем «Гранатовый браслет» Куприна.

Все прочитали?

Все, кроме Бориса, молча кивнули. Константин проявил

инициативу:

– Можно я начну?

– Да, пожалуйста.

Константин стал говорить медленно, вдумчиво, с глубоким знанием вопроса:

– В рассказе Куприна образ бытия разворачивается как контрастный образ любви, выстроенный на оппозиции истинных и ложных ценностей.

Сикорская прервала с легким раздражением:

– Константин, на обсуждении желательно высказывать свое мнение, а не рецензию, прилагающуюся к книге...

Она хотела бы еще добавить что-нибудь едкое в адрес этого молодого человека, который её раздражал неизвестно почему, но тут вошел еще один мужчина, Виктор Орфушев, крепкий, около сорока лет, с безупречной выправкой отставного офицера. Он обратился к присутствующим:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.